

Лян Мэнцзе, преподаватель русского языка, факультет русского языка, Институт иностранных языков, Чанчуньский политехнический университет (Китайская Народная Республика, г. Чанчунь)

Information about the authors

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philology, Professor, Philology, Institute of Social and Human Sciences, Murmansk Arctic University (9, Communa St., Murmansk, 183038, Russia)

Liang Mengjie, Instructor, Department of Russian language, Institute of Foreign languages, Changchun Polytechnic University (Changchun, China)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	13.02.2024

Научная статья / Article

УДК 299.572(470)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-94>

Речевая стратегия дискредитации в современной русской языческой публицистике (на примере работ А. А. Добровольского)

Никита Артурович Пробст¹, Роман Витальевич Шиженский²

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия

¹NProbst@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6173-4305>,
ResearcherID Web of Science: L-9334-2019

²heit@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0002-8765-2241

Аннотация. *Сущность и стратегии масскультурного продвижения идеологии, предлагаемой апологетами современного славянского язычества, являются объектами активного изучения отечественного религиоведения и лингвистики.*

При этом на сегодняшний день остается сравнительно малоизученным лингвокоммуникативный аспект механизмов продвижения вышеуказанной идеологии, в частности применения агрессивной риторики как способа популяризации родноверческой идеологии в российском массовом сознании ее носителями и создателями. Особенного внимания в этом плане заслуживает творческое наследие А. А. Добровольского как основоположника и ключевого идеолога указанного движения.

Целью настоящей статьи является исследование комплекса языковых средств дискредитации православия как ключевого конкурента современных славянских язычников в процессе продвижения родноверческой идеологии в публицистическом творчестве А. А. Добровольского.

Основными методическими инструментами реализации данной цели выступают метод функционально-семантического анализа и прагматический метод.

В ходе исследования было установлено, что религиозная публицистика А. А. Добровольского имеет выраженную политическую дискурсивную направленность. Это обуславливает использование автором характерных для данного дискурса манипулятивных стратегий, включая стратегию дискредитации в отношении ключевых социокультурных и политических противников (РПЦ и православия). Концептуальной основой ее использования в рассматриваемом случае является традиционное для популистских идеологий противопоставление вида «свой — чужой», где в содержательное поле «чужого» (еврейства) включается и православие, позиционируемое А. А. Добровольским как насильственно внедренная на Руси итерация иудаизма.

Рассматривается состав и функциональные особенности комплекса представленных в публицистике А. А. Добровольского приемов манипулирования информацией, база которого формируется за счет таких приемов, как стигматизация, инверсия, контраст, подмена данных, осмеяние. Посредством данного речевого инструментария в его работах активно и последовательно создается негативный образ православия как принципиально чуждой и вредоносной для русского этноса религии, дискредитируются сторонники РПЦ, а также легитимизируется идея о необходимости активной борьбы с соответствующим учением и его апологетами. Делается вывод о том, что подобный подход, сочувственно принятый отдельными слоями современного российского общества, в условиях нашего государства недопустим.

Ключевые слова: картина мира, ксенофобия, православие, родноверие, стратегия дискредитации

Финансирование: исследование выполнено за счет проекта РФ № 22-18-00591 «Прагматическая семантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, а также программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» БФУ им. И. Канта.

Для цитирования: Пробст Н. А., Шиженский Р. В. Речевая стратегия дискредитации в современной русской языческой публицистике (на примере работ А. А. Добровольского) // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 94–113. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-94>

Speech Strategy of Discrediting in Modern Russian Pagan Journalism (on the Example of the Works of A.A. Dobrovolsky)

Nikita A. Probst¹, Roman V. Shizhenskiy²

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

¹ NProbst@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6173-4305>,

ResearcherID Web of Science: L-9334-2019

² heit@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0002-8765-2241

Abstract. *The essence and strategies of mass-cultural promotion of the identity model proposed by apologists of modern Slavic paganism is one of the objects of active study of Russian religious studies and linguistics.*

At the same time, the linguocommunicative aspect of the mechanisms for promoting the rodnover's model of identity remains relatively little studied today — in particular, the use of aggressive rhetoric as a way to popularize rodnover ideology in the Russian mass consciousness by its bearers and creators. In this regard, the creative legacy of A.A. Dobrovolsky as the founder and key ideologist of this movement deserves special attention.

The purpose of this article is to study the complex of linguistic means of discrediting Orthodoxy as a key competitor of modern Slavic pagans in the process of promoting the rodnover's model of identity in the journalistic work of A. A. Dobrovolsky.

The main methodological tools for the realization of this goal are the method of functional-semantic analysis and the pragmasemantic method.

In the course of the study, it was found that A. A. Dobrovolsky's religious journalism has a pronounced political discursive orientation. This determines the author's use of manipulative strategies characteristic of this discourse, including a strategy of discrediting key socio-cultural and political opponents (the ROC and Orthodoxy). The conceptual basis for its use in this case is the traditional opposition of the "friend-foe" type for populist ideologies, where Orthodoxy, positioned by A. A. Dobrovolsky as an iteration of Judaism forcibly introduced in Russia, is also included in the content field of "alien" (Jewry).

The composition and functional features of the complex of information manipulation techniques presented in A. A. Dobrovolsky's journalism are considered, the base of which is formed due to such techniques as stigmatization, inversion, contrast, data substitution, ridicule. Through this speech toolkit, his works actively and consistently create a negative image of Orthodoxy as a fundamentally alien and harmful religion for the Russian ethnic group, discredit the supporters of the ROC, and legitimize the idea of the need for an active struggle with the relevant teaching and its apologists. It is concluded that such an approach, sympathetically accepted by certain layers of modern Russian society, is unacceptable in the conditions of our state.

Keywords: *identity, worldview, xenophobia, Orthodoxy, rodnoverie, discrediting strategy*

Funding: the research was carried out through the Russian Science Foundation project No. 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning formation” at the Baltic Federal University. I. Kant, as well as funds from the strategic academic leadership program “Priority 2030” of IKBFU. I. Kant.

For citation: Probst N. A., Shizhenskiy R. V. Speech Strategy of Discrediting in Modern Russian Pagan Journalism (on the Example of the Works of A. A. Dobrovolsky). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 94–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-94>

Введение. Возникнув в последней трети XX века как религиозный, социально-политический и культурный феномен, современное славянское (русское) язычество¹ в настоящее время обладает необходимым и устойчивым «набором» компонентов, позволяющим данному полицентричному, полирелигиозному явлению позиционировать себя состоявшейся уникальной мировоззренческой системой. Одним из основополагающих элементов современной языческой религиозности является «новояз» – сложный многогранный феномен, формирующийся на стыке филологии, этнографии и истории (см. подробнее: [1]). Под новым языком новых язычников, во-первых, следует понимать сакральный язык [2; 3], используемый современными волхвами в религиозных практиках и представляющий собой эклектику из сохранившихся этнографических, фольклорных источников и мифологических, заговорных текстов идеологов движения. Во-вторых, «новояз» – этнический идентификатор, через терминологию определяющий конструируемую принадлежность той или иной общины [4, с. 14–19; 5, с. 18]. В-третьих, новый язык – своеобразный двигатель новой языческой истории, формирующий «правильное» прошлое за счет все того же «купажа» академических данных и собственной истории «родноверческих» вождей. Ярким примером проявления языческого «новояза» в действии следует считать использование приемов дискредитации.

---

¹ Современное русское язычество»: мировоззренческий феномен, возникший в РСФСР в 1970-х годах, в основе которого лежит комплекс идеологических, религиозных, социально-политических, культурных парадигм, направленных на возрождение славянских дохристианских верований, характеризующийся: превалярованием конструируемых авторских инициатив над реконструируемыми элементами мифологии, обрядовых практик; эклектикой идей этноцентризма (масштабов суперэтнуса, этнуса, субэтнуса) и природоцентризма; структурной, мировоззренческой пролификацией; конспирологией, футурологией и фолк-истории как набором инвариантов (термин Р. В. Шиженского).

На сегодняшний день определенное освещение получили различные аспекты реализации стратегии дискредитации применительно к религиозным движениям — в том числе к православию (см.: [6; 7 и др.]). Вместе с тем в данной области сохраняется ряд интересных вопросов, включая использование различных агрессивных коммуникативных стратегий в продвижении той или иной мировоззренческой концепции, призванной консолидировать современное российское общество.

В этом плане весьма показательным является современное славянское язычество, которое является своеобразной попыткой синтеза сразу двух направлений социокультурной консолидации: этнической (самоидентификация на основе принадлежности к общеславянской общности) и религиозной (обретение коллективного духовного самоосознания через обращение к «исконной вере предков»). Возникшая конкуренция между родноверами и представителями иных крупных конфессионально-этнических групп за роль национально-объединяющей силы порождает конфликты, которые можно назвать этнополитическими, т. е. подразумевающими противодействие «различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния» [8, с. 193]. неотъемлемой частью подобных конфликтов является активная взаимная дискредитация, реализующаяся в языковом пространстве разных жанров различных видов дискурса.

«Языческая дискредитация» напрямую связана с нарративами пионера современного славянского язычества Алексея Александровича Добровольского (Доброслава). Именно он создал комплекс инвариантов, включающих: новоязыческие мифологемы, ритуальный дискурс, празднично-обрядовые действия, религиозную символику. Так, Добровольский создал первый языческий именовослов и календарь, утвердил «коловрат» (восьмилучевой свастический символ) в качестве главного символа «родноверия», отрежиссировал современную Купалу — праздник летнего солнцестояния, возглавил Русское освободительное движение (РОД).

Исследование современного «родноверческого» интернет-дискурса показывает, что многие распространенные в нем идеологемы и тропы очевидным образом восходят к сформированной А. А. Добровольским идейно-философской системе — в том числе те из них, что связаны с оценкой сути и значения (религиозного, культурного, социального и др.) христианства в контексте русской

цивилизации. Соответствующие идеологемы находят отражение в процессе конфликтной коммуникации между сторонниками православия и апологетами неоязычества (см: [9]). Таким образом, изучение публицистического наследия А. А. Добровольского, по нашему убеждению, позволит лучше понять генезис и актуальные особенности мировоззренческой картины современных русских язычников. В конечном счете результаты подобных исследований способствуют расширению теоретической базы противодействия тенденциям, связанным с разжиганием в нашей стране межнациональной и межконфессиональной розни.

Цель статьи — выявление и описание представленного в публицистическом наследии А. А. Добровольского комплекса средств экспликации речевой стратегии дискредитации в отношении православного вероучения и его последователей, реализуемой в контексте общего антихристианского вектора родноверческой¹ идеологии.

Материал и методы исследования. В качестве материала для исследования были выбраны следующие три работы А. А. Добровольского: «Светославие» (2004), «Волхвы» (б.д.), «Об идолах и идеалах» (2007).

Содержательное поле данных изданий — своеобразная мировоззренческая квинтэссенция, раскрывающая авторский взгляд Доброслава на актуальное языческое тематическое поле, и в первую очередь на проблему идеологических противников — врагов по вере.

В процессе изучения указанных источников методом сплошной выборки были выявлены 109 конструкций, репрезентирующие различные виды манипуляций, способствующих реализации стратегии дискредитации в отношении российского православия.

Для достижения вышеуказанной цели нами использовалась комплексная методика, включающая:

---

¹ Мы учитываем, что родноверие, несмотря на свою достаточно высокую популярность в России, не является неким единым и целостным движением с четкой религиозно-философской системой и социально-политическими установками. Вместе с тем разные родноверческие сообщества, при всех своих различиях, объединены общим примордиалистским («славянорусским») подходом к оценке историко-культурной и политической реальности нашей страны, а также общей идеей о необходимости возрождения «исконно русской» языческой религии. Таким образом, говоря о родноверческой идеологии, мы подразумеваем совокупность синкретических по природе квазирелигиозных и социокультурных конструктов, служащих обоснованием национальной самоидентификации своих трансляторов.

– метод функционально-семантического анализа, оптимальный для выявления и адекватной интерпретации коммуникативных установок идейных компонентов содержательного поля текстов А. А. Добровольского;

– прагмасемантический метод, в основе которого лежит концепция «прагмасемантики» как комплекса и интерфейса смыслообразования, устанавливающего связь между анализом содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования (см.: [10; 11 и др.]).

Результаты исследования. Перед рассмотрением заявленной темы считаем необходимым дать краткий биографический и идейный «портрет» основоположника русского религиозного нативизма. К наиболее значимым факторам биографии, повлиявшим на становление мировоззрения А. А. Добровольского, следует отнести: 1) особенности семейного воспитания (родительская образованность, безрелигиозность, беспартийность, белогвардейский след); 2) специфику окружения в юные годы (роль бабушки, деревенских каникул, романтика фильмов и книг); 3) первое тюремное заключение (1958 г.): знакомство как с оппозиционной историей, так и с моделью альтернативной идеологии; дружба с С. Р. Арсеньевым-Хоффманом и влияние немецкой идеи 1920-х годов; 4) политико-мировоззренческие поиски 1960–1970-х годов: деятельность в НТС, сотрудничество с советским диссидентством, период самообразования; увлечение оккультизмом; 5) конец 70-х годов — мировоззренческий выбор: славянское язычество (младоязычники); 6) 1990 год — начало периода отшельничества, просветительского язычества.

Комплекс идей А. А. Добровольского не укладывается в определение расизма в его классическом, научно трактуемом варианте. Так, например, он выступает против дискриминации, уничтожения других этногрупп. Вместе с тем элементы расового подхода в виде абсолютизации этнических различий, четко сформулированного взгляда на проблему метизации присутствуют в концептуальных построениях данного автора. Доброслав вполне прозрачен и в своем выборе противников «по вере». Индивидуальный прессинг выборочного «расизма» сосредоточен исключительно на приверженцах авраамической религиозности, без деления последних по цвету кожи, национальной принадлежности, внешнему виду и т. д.

Творчество Доброслава построено на достаточно внимательном анализе предшествующего развития религиозной философии (теософии) и в меньшей степени философского идеализма секу-

лярного типа. Высказанная Добровольским точка зрения о преиму- щественно самостоятельном генерировании пантеистическо- мистической концепции, независимо от внешних источников, пу- тем напряжения внутренних интеллектуальных и эмоциональ- ных сил, кажется нам авторским преувеличением. Тем не менее философия Добровольского далека от примитивной компиляции. Она представляет собой сложный синтез мистических представ- лений Запада и Востока, в исторической ретроспективе соединен- ных с собственным, авторским духовным опытом. Анимизм, панте- изм и в конечном счете атеизм подготовили почву для проекций иного, внекультового плана. Мистика с ее отрицанием религиоз- ной надстройки повлияла на социально-экономическую модель об- щественных отношений, отстаиваемую Добровольским и имену- емую автором как «первобытный анархокоммунизм» и «экоанар- хизм» (см. подробнее: [12]). При этом А. А. Добровольский стал од- ним из первых публицистов в нашей стране, критикующим христи- анство с позиций языческой религиозно-мировоззренческой моде- ли. В этом плане мы считаем возможным говорить о данном авторе как одном из родоначальников и идейных вдохновителей «идеоло- гической войны» между родноверческим и христианским сообще- ствами, имеющим все признаки классического межгруппового эт- нополитического конфликта, в основе которого «лежит... взаимная враждебность групп, связанная с наличием значительной культур- ной дистанции между ними» [13, с. 55].

В случае Добровольского указанный факт имеет комплекс- ную природу. С одной стороны, он обусловлен религиозно-филосо- фскими взглядами А. А. Добровольского, представляющими со- бой синтез идеократии, этнократии, антиэтатизма, геодетерминиз- ма, теократии, псевдоэгалитарности и биоморфизма.

С другой стороны, выбор православия в качестве основной ми- шени для дискредитации в случае А. А. Добровольского законо- мерен и по другим причинам. Христианство (православие) явля- ется принципиально противоположным язычеству религиозным направлением в силу целого ряда объективных причин, обладая при этом гораздо более конкурентоспособной, нежели славянское («славянорусское») язычество, идейно-религиозной, обрядовой и культурной базой. Это существенно ослабляет позиции роднове- рия в борьбе за роль доминантного базиса для продвижения наци- оналистического мифа на религиозной основе. Таким образом, если воспользоваться классификацией Теджфела [14], русскоязычные

христиане (православные) закономерно становятся для родноверов той аутгруппой, через негативную оценку которой выстраивается позитивный образ собственной. В этой связи активная дискредитация христианства и его последователей со всем сопутствующим набором языковых средств становится для «родноверческой» концепции экзистенциально обусловленным элементом, что ярко иллюстрируют рассматриваемые работы А. А. Добровольского.

Конечная цель стратегии дискредитации, используемой в отношении христианства, — конструирование / деконструкция существующего в картине мира читателя образа христианства таким образом, чтобы формирующие данный образ смыслы имели сугубо негативный характер. Для решения этой задачи А. А. Добровольский использует целый комплекс приемов речевой манипуляции.

Для начала необходимо отметить следующее. Системообразующим элементом картины мира Доброслава является разделение и оценка воспринимаемых им явлений действительности в контексте элементарного противопоставления «свои — чужие», в принципе характерной для этноориентированных социальных групп в целом и родноверов в частности [15, с. 32]. Это вполне закономерно: «формирование категориальных сфер «своё — чужое» в публицистике во многом обусловлено эмоционально-когнитивными процессами объединения / разобщения себя с другими представителями социума по разным основаниям, базовыми из которых являются: 1) социальный статус; 2) политическая позиция; 3) этнический фактор» [16, с. 178]. В модели действительности Добровольского «чужие» — евреи — воплощают архетипический образ «врага», вокруг которого формируется понятийное поле «экзистенциального зла». В нашем случае оппозиция «свои — чужие» реализуется на уровне «своя (истинная) религия — чужая (ложная) религия», что напрямую определяет как формируемые Добровольским в этой связи смыслы, так и комплекс формальных средств их имплементации.

Итак, к числу манипулятивных тактик, наиболее частотно и значительно представленных в анализируемом материале, относятся следующие:

1. Стигматизация. Данная тактика предполагает формирование / трансформацию образа конкретного объекта путем интеграции в его семантическую структуру негативных смыслов и коннотаций с помощью негативно окрашенных в эмоционально-экспрессивном плане лексем и словосочетаний (прием «навешивания» ярлыков).

вания ярлыков»). В рассмотренных нами работах богатый спектр данных лексических средств можно условно разделить на несколько тематических групп:

1) ущербность (неполноценность) христианства и его последователей в следующих отношениях:

– интеллектуальном (нерелевантность требованиям разумности, отсутствие «здорового смысла»): *Тот же, кто, догадываясь о Великой Тайне Природы, все же остается либо атеистом, либо монотеистом* [т. е. тем же христианином], *должен быть **безнадёжным обалдуем*** (Добровольский, 2007, с. 11);

– этическом (морально-нравственном) (нерелевантность традиционным для современного человека морально-нравственным нормам): *Конечно, языческие кумиры были порушены **продажными князьями и попами**, но подспудными причинами, способствовавшими их скоропалительному и бесславному низвержению, было состояние самого Язычества* (Добровольский, Волхвы: 12);

– эстетическом (нерелевантность традиционным для современного человека представлениям о прекрасном): *Искусственные монотеистические религии всегда были **слишком бледны в эстетическом и слишком бедны в этическом отношении*** (Добровольский 2007: 40);

2) деструктивная сущность христианства как религии (экзистенциальная опасность для личности, народа, цивилизации): *Вся **чудовищно-вампирическая** суть **цудохристианства** заключена в евангельских текстах Матфея (гл. 21) и Марка (гл. 11), где Иисус одним злоеющим проклятием умервщляет смоковницу — **дереву, олицетворяющее ЖИЗНЬ у многих народов*** (Добровольский 2004: 10) — и т. д.;

3) чужеродный характер христианства по отношению к славянству: *Славянам были **чужды** цудохристианские представления о боге, сотворившем мир и предопределившем вечный адский огонь* (Добровольский 2004: 9); *В отличие от «высшей», «низшая мифология», соприкасавшаяся с культом Предков, оказалась необычайно устойчивой под натиском **чужеродного цудохристианства*** (Добровольский 2007: 19) — и т. д.

4) недостоверность, лживость письменных и устных источников христианства, а также основанных на нем положений и постулатов: *Указывая на зияющие провалы дарвинизма ... цудохристиане вновь поднимают на щит **библейскую небылицу** о сотворении мира Иеговой — **«Богом Авраама, Исаака, Иакова»**...* (Доброволь-

ский 2004: 39); *Именно жуткие церковные рассказы о блуждающих в ночном мраке волках-людоедах, бесах-оборотнях... сделали его столь отверженным и ненавистным* (Добровольский 2004: 47);

5) христианство как инструмент искажения славянской культуры и исторической памяти: *Так и праславянский Волес ничего общего не имеет с «богом богатства и скота», с так называемой «Влескигой», «Русскими Ведами» и прочими хитрыми цудохристианскими подделками, проводящими зловредную мысль, будто христианство «мирно» прижилось на Руси, потому что было созвучно якобы «православному» славянскому язычеству* (Добровольский 2004: 56).

2. Инверсия (изменение смысловых полюсов в оценке отраженных в современном массовом сознании образов исторических событий и персон). В работах А. А. Добровольского инверсия часто связана с деконструкцией образов исторического прошлого, их переосмысления в контексте предлагаемой данным неоязыческим лидером идеологической модели. При этом объектами дискредитации могут выступать и конкретные исторические личности, сыгравшие значительную роль в распространении христианства на Руси, — в первую очередь князь Владимир и его сын Ярослав Мудрый. Для этого используются следующие инструменты:

– определения с выраженной негативной оценкой: *...Нечестивый братоубийца Владимир поставил в Киеве истуканы шести антропоморфных богов во главе с Перуном, повелел молиться им и приносить кровавые жертвы* [Добровольский, Волхвы: 11]; *Через 8 лет князь-отступник [Владимир] сам же и порушил эти не оправдавшие себя бессильные рукотворные изделия, а вместо них приказал молиться другим — иконам, изображавшим и вовсе чужеродного «истинного бога» и его «святых»* (Добровольский 2007: 32) (переосмысление автором исторической роли Владимира Святославовича в оппозиционном официальной точке зрения ключе, представленное в образе данного князя как правителя-преступника, предавшего родную семью (братоубийца), религию и культуру (нечестивый, отступник));

– использование неофициальных прозвищ с уничижительной окраской / кавычек при употреблении закрепившегося в русской историографии прозвищ конкретных правителей (что репрезентирует стремление автора указать на несоответствие данного прозвища «реальной» личности данного деятеля): *Волхв, появившийся в Новгороде при внуке Ярослава Хромого («мудрого»), князе Гле-*

бе, обещал народу в доказательство правильности и превосходства древней религии перейти реку Волхов на глазах у всех как посуху (Добровольский, Волхвы: 18).

3. Контраст (характеристика объекта через его субъективно окрашенное сопоставление с другим объектом, акцентирующая положительные, с точки зрения пишущего, стороны одного и отрицательные — другого). Данная тактика предполагает активное использование приема дифференциации изображаемых объектов по вышеупомянутому принципу «свои — чужие». См.: *Однако наша Идея, хоть и настолько же недоказуема, как и библейское «творение из ничего», все же, во всяком случае, более правдоподобна, научна и философична. И уж, по крайней мере, рисуемая пантеистами картина Мира — логична, целостна, внутренне непротиворечива и гораздо более согласуется с новейшими научными открытиями, чем космогония семитов* (Добровольский 2007: 9) — данный фрагмент содержит сложную манипуляцию, комбинирующую апелляцию: а) к рассудочно-логическому аспекту личности современного читателя, часто отождествляющего понятия научности и истинности (тезис о правдоподобности неоязыческой концепции и ее релевантности актуальному научному знанию); б) к его националистическим чувствам (через упоминание «семитского» генезиса христианской концепции мироустройства).

4. Подмена данных. Этот прием связан с представлением субъективных мнений и непроверенных / заведомо ложных данных как объективных и несомненных фактов. Он ориентирован на замещение одних элементов образа определенного исторического или социального явления другими, выгодными автору текста. Например: *Средневековые демонологи недоумевали: почему женщина настолько больше склонна к чародейству, чем мужчина, что на каждые десять тысяч сожженных ведьм приходится только один колдун?* (Добровольский, Волхвы: 23) — пропозиция данного утверждения включает в себя тезис о колоссальном масштабе преступлений служителей средневековой христианской церкви (сожжение десятков тысяч женщин), данный без какого-либо указания на источник информации и рассчитанный на фоновые знания в целом несведущего в вопросах европейской церковной истории читателя; *В Библии Змей — существо, враждебно относящееся к богу, и доброжелательно — к человеку. И его цудохристиане называют дьяволом и сатаной* (Добровольский 2004: 33) — данный фрагмент содержит: а) утверждение о человеколюбии библейского Змея, что очевид-

ным образом расходится с текстом Священного Писания; б) основывающийся на данном утверждении тезис, представляющий собой, по сути, косвенный речевой акт обвинения (христианства в антигуманности): контекст анализируемого высказывания допускает построение логической цепочки вида «Змей доброжелательно относится к человеку» — «еврействующее христианство демонизирует Змея» — «христианство недоброжелательно относится к человеку».

Частным случаем реализации указанной тактики мы считаем активное использование А. А. Добровольским приема «перетасовки» («подтасовки карт»), предполагающего односторонний характер отбора и репрезентации информации о том или ином объекте: она преподносится либо в исключительно положительном, либо сугубо отрицательном ключе, а все данные, вступающие в противоречие с подобной оценкой, либо игнорируются, либо опровергаются. Так, в исследуемом материале нами не было зафиксировано ни одного положительно окрашенного в семантическом плане текстового фрагмента, связанного с христианством. Напротив, славянское язычество (по крайней мере, в его — по терминологии автора — «исконной», «наивной» форме) и все связанные с ним атрибуты описываются с помощью положительно маркированных языковых средств.

5. Осмеяние. Данная тактика, представляющая собой одно из интенционально ярких и частотных средств дискредитации цели посредством представления различных ее аспектов в уничижительном свете (см., например: [17]), активно используется в публицистике Добровольского; в качестве репрезентантов данной стратегии выступают языковые средства с семей насмешки: *Достоин сожаления, что иные юродствующие «радетели» русского национального единения выдвигают в качестве основы возрождения Отечества столь чуждое славянам мировоззрение, вернее мироотрицание: призывают поклониться «спасителю», приговорившему мир к смерти* (Добровольский 2004: 11) — ироничное использование существительных «радетели» и «спаситель», наделенных в данном случае прямо противоположным их обычной дефиниции значением («невольные противники подлинно национального объединения» и «божество-разрушитель» соответственно); *Тысячу лет назад на Руси полыхали костры, на которых проповедники «любви и милосердия» заживо сжигали Волхвов. Суньте палец в огонь — и вы немного поймете, что значит смерть «без пролития крови»* (Добровольский, Волхвы: 3) — насмешка, имплементируемая по-

средством пропозициональной связи взаимоисключающих понятий: «любовь и милосердие» и «мучительная казнь (сожжение на костре)», что позволяет представить ее смысл в виде утверждения «христианство — религия палачей и лицемеров»; указанный смысл и манипулятивную силу насмешки призвано усилить последующее иронически окрашенное высказывание-рекомендация (*Суньте палец в огонь...*).

Особо отметим такой часто встречающийся в исследуемых работах прием воздействия на читателя, как использование графических средств выделения текста. К числу последних относятся:

1. Различное написание мифонимов и понятий, трактуемых автором как связанные с христианством и с «исконным» славянским язычеством: первые автор всегда пишет со строчной буквы (нередко с использованием кавычек), вторые — с прописной, например: *Очень трудно докопаться хотя бы до ее отголосков, ибо почти всегда изначальная **Языческая** сущность затемнена, загажена и переиначена иудахристианством* (Добровольский, Волхвы: 16), ... *Все христиане признают иудейского Иегову своим **«богом-отцом»** (первым лицом «троицы»)*... (Добровольский 2007: 43) — применяемых, видимо, для усиления эффекта их «десакрализации».

2. Использование только прописных букв при написании отдельных слов и словосочетаний для акцентирования их значения / сакральной сущности: *Истина постигается умом, а ПРАВДА — СЕРДЦЕМ. Это и есть суть того, что называется «тайноведением»* (Добровольский, Волхвы: 17).

3. Использование полужирного шрифта для выделения ключевых тезисов: *Для успешной борьбы с этим злом необходимо осознать не только мировоззренческую несостоятельность иудахристианства: **надо понять всю пагубность этой смертоносной религии, грозящей гибелью всему живому на земле*** (Доброслав 2004: 10) — и т. д.

С помощью перечисленного А. Добровольский акцентирует внимание читателя на ключевых элементах своих умпостроений, формирует определенное отношение к тем или иным выделяемым им объектам реальной / ирреальной действительности и в конечном счете усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Подытоживая все вышесказанное, отметим следующее. Методика представления Добровольским христианской идеологии и ее носителей тождественна с аналогичной в политическом дискурсе: «Общая логика использования образа Чужого в политике основыв-

вается на таких технологиях, как мифологизация и стереотипизация, дискредитация, унификация, приписывание антиценностей. Особую роль в этом процессе играют клеймение (навешивание ярлыков или использование кличек) или анонимизация (Чужой не имеет собственного имени)» [18, с. 12]. Вышеприведенный анализ демонстрирует, что в процессе утверждения своей мировоззренческой концепции за счет дискредитации идейно-культурных основ христианства труды А. А. Добровольского фактически утрачивают религиозно-публицистический или вероучительный характер и переходят в плоскость политического дискурса: идеолог «родновери» не просто полемизирует с религиозно-мировоззренческой концепцией оппонентов-христиан, но прилагает серьезные усилия для ее откровенной демонизации: «Эффект демонизации заключается в намеренном создании негативного, а еще более желательно — отталкивающего образа оппонента, в результате чего последний выступает во всех своих проявлениях как абсолютное зло» [19, с. 28]. В этом плане воздействующую составляющую текстов Доброслава можно связать с такими выделяемыми отечественными учеными (см.: [20]) разновидностями манипулирования, как запугивание (см. вышеприведенные тезисы о смертоносном характере христианства, его губительности для интеллекта, души и пр.), демонизация, дезинформация. Посредством данных методов фактически реализуется ситуация «контекстуального приравнивания православия к политическим религиозным идеологиям, основанным на насилии (фашизму, нацизму, терроризму, тоталитарным сектам и др.), к психическим заболеваниям» [6, с. 208], что вполне коррелирует с методиками современной нам информационной войны.

Заключение. Проведенное в рамках настоящей статьи исследование позволяет сделать следующие выводы и заключения.

Противодействие христианству (наравне с другими авраамическими религиями) является одной из стержневых интенций публицистического наследия А. А. Добровольского, что обусловлено причинами личного (биографического), религиозно-философского, но в первую очередь политического характера (борьба с доминантной религиозно-философской системой, затрудняющей продвижение националистического «славянского» мифа).

Одним из основополагающих элементов мировоззренческой позиции Доброслава является противопоставление вида «свой (славянин) — чужой (еврей)», которое на религиозно-философском уровне проявляется в оппозиции «истинная религия (славянское языче-

ство) — ложная религия (чужеродное христианство, воспринимаемое Добровольским как итерация иудаизма)». Позиционируя христианство как идеологически чуждую «славянорусам» мировоззренческую систему, Добровольский в своих работах активно и последовательно реализует установку на компрометацию как указанного религиозного учения, так и его последователей. Применяемая для этого речевая стратегия дискредитации (демонизации) в проанализированных нами текстах реализуется с помощью следующих тактик:

1) стигматизации — характеристики конкретного объекта путем интеграции в семантическую структуру его образа негативных смыслов и коннотаций с помощью негативно окрашенных в эмоционально-экспрессивном плане лексем и словосочетаний;

2) инверсии — изменения смысловых полюсов в оценке закрепленных в российском массовом сознании образов, связанных с исторической реальностью;

3) контраста — односторонней (сугубо отрицательной или положительной) характеристики объекта через его субъективно окрашенное сопоставление с другим объектом;

4) подмены данных — представления субъективных мнений и непроверенных / заведомо ложных данных как объективных и несомненных фактов;

б) осмеяния — приема, направленного на дискредитацию цели посредством представления различных ее аспектов в юмористическом ключе.

Следует упомянуть активно используемые А. Добровольским средства графического выделения текста, ориентированные на манипуляцию читательским восприятием (прописные буквы, жирный / полужирный шрифт, кавычки и т. д.).

Анализ содержательного и формального пластов публицистики А. А. Добровольского позволяет сделать вывод, что смысловое ядро различных текстовых фрагментов исследуемых работ, затрагивающих вопросы взаимоотношения христианства и язычества, формируется на основе следующих идейных концептов:

1) «чужеродности и вредоносности христианства» (как религиозного учения и ценностно-регулятивной системы);

2) «язычества как пути возрождения русской нации».

Последовательная языковая имплементация указанных концептов в работах Добровольского (с учетом высокого авторитета данного автора в родноверческой среде), в том числе и посредством вышеуказанных речевых приемов дискредитации, обуслов-

ливают их заметную деструктивную роль в контексте развития родноверческо-православного конфликта, прежде всего проявляющуюся: а) в укреплении и расширении идейной базы дискриминационной политики движений родноверов по отношению к представителям христианского (шире — основанного на исповедании авраамических религий) мировоззрения; б) деформации русской исторической памяти за счет популяризации ряда мифологем, в настоящее время активно транслируемых различными представителями родноверческого движения: мифа о христианстве как орудии культурной войны против славян, как инструменте формирования «рабского менталитета» и др.

Тот факт, что отсылки или прямые ссылки на труды А. А. Добровольского до сих пор можно без труда обнаружить в различных (причем не только родноверческих) пабликах, указывает на их популярность в русскоязычной языческой интернет-среде. В условиях нашего многонационального и многоконфессионального государства — особенно на текущем этапе его истории, требующем всесторонней консолидации нашего общества, — подобный факт, по нашему убеждению, является весьма тревожным симптомом.

Литературные источники

1. Добровольский А. (Доброслав). Волхвы. Б. м., б. г. 79 с.
2. Добровольский А. (Доброслав). Светославие (очерки языческого мироощущения). Киров: Дом печати – Вятка, 2004. 95 с.
3. Добровольский А. (Доброслав). Об идолах и идеалах. Б. м.: Новая Земля, 2007. 89 с.

Список источников

1. Шиженский Р. В. Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века // Научное мнение. 2017. № 11. С. 25–33.
2. Велеслав. Вещий Словник: Славления родных богов. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 430 с.
3. Казаков В. С. Именослов. М.: Русская правда, 2011. 240 с.
4. Гаврилов Д. А., Брутальский Н. П., Авдонина Д. Д., Сперанский Н. Н. Манифест языческой Традиции. М.: Ладога-100, 2007. 40 с.
5. Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов. Опыт словаря с пояснениями / сост.: Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. М.: Ладога-100, 2008. 208 с.
6. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 22 (160). С. 15–20.

7. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206–216.
8. Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 376 с.
9. Пробст Н. А. Коловрат против креста: конфликтная коммуникация между сторонниками неоязычества и православия в интернет-дискурсе // Вестник культурологии. 2023. № 2 (105). С. 215–228.
10. Тульчинский Г. Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. 2022. № 6. С. 9–23.
11. Золян С. Т. Семиозис как диалог между квази-разумами: о незавершенном замысле Чарльза Пирса // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент : сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 40–50.
12. Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). 3-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Поволжье, 2014. 311 с.
13. Ачкасов В. А., Абалян А. И., Андреев А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. 640 с.
14. Tajfel H. Social Categorization, Social Identity and Social Comparison // Differentiation between Social Groups / Taifel H., Ed. London: Academic Press, 1978. Pp. 61–76.
15. Королева Т. А. Лингвистические средства реализации социальной оппозиции «свой — чужой» в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (71). Ч. 2. С. 85–88.
16. Пробст Н. А. Прагмасемантическая деформация идентичности родноверами: фейк в альтернативной картине истории // Политическая наука. 2023. № 3. С. 170–189.
17. Темиргазина З. К., Бачурка М. С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 51–57.
18. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого / чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 121–128.
19. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28–37.
20. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 89–98.

References

1. Shizhenskij R. V. Features of the new language (newspeak) of Russian pagans of the 21st century. *Nauchnoe mnenie* [The Scientific Opinion]. 2017. No 11. Pp. 25–33. (In Russ.)
2. *Veleslav. Veshchij Slovník: Slavleniya Rodnyh Bogov* [Vernal Dictionary: Glorification of Native Gods.]. Moscow: Institute Obshchegumanitarnykh Issledovanij, 2007. 430 p. (In Russ.)
3. Kazakov V. S. *Imenoslov* [Namesake]. Moscow: Russkaya Pravda, 2011. 240 p. (In Russ.)
4. Gavrilov D. A., Brutal'skij N. P., Avdonina D. D., Speranskij N. N. *Manifest yazycheskoj Tradicii* [The Manifesto of the Pagan Tradition]. Moscow: Ladoga-100, 2007. 40 p. (In Russ.)
5. *Russkoe yazycheskoe mirovozzrenie: prostranstvo smyslov. Opyt slovarya s poyasneniyami* [Russian pagan worldview: the space of meanings. Dictionary experience with explanations]. Edit. D. A. Gavrilov, S. E. Ermakov. Moscow: Ladoga-100, 2008. 208 p. (In Russ.)
6. Belyaeva I. V., Kulikova E. G. Manipulative distortion: the linguistic meaning of euphemisms. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2009. No 22 (160). Pp. 15–20. (In Russ.)
7. Koptina G. A. Speech tactics and techniques of discrediting orthodoxy in the modern information-psychological war (based on the analysis of internet-texts). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2017. No 5 (65). Pp. 206–216. (In Russ.)
8. Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. *Etnopolitologiya: politicheskie funkcii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 376 p. (In Russ.)
9. Probst N. A. The Colovrat vs the Cross: Conflict communication between neopagans and orthodoxies in internet-discourse. *Vestnik kul'turologii* [Herald of culturology]. 2023. No 2 (105). Pp. 215–228. (In Russ.)
10. Tul'chinskij G. L. Pragmasemantics of digital communications: semantic worldviews, value-regulatory systems and responsibility. *Gosudarstvo I grazhdane v elektronnojsrede* [State and citizens in the electronic environment]. 2022. No 6. Pp. 9–23. (In Russ.)
11. Zolyan S. T. Semiosis as a dialogue between quasi-minds: on Charles Peirce's unfinished project. *Diskurs i yazyk v epohu «bol'shihdannyh»: Variativnost', kreativnost', eksperiment: Sbornik nauchnyh statej* [Discourse and language in the era of "big data": Variability, creativity, experiment: Collection of scientific articles]. Edit. I. V. Zykova. Moscow: R. Valent, 2023. Pp. 40–50. (In Russ.)
12. Shizhenskij R. V. *Filosofiya dobroj sily: zhizn' i tvorchestvo Dobroslava (A. A. Dobrovolskogo)* [The Philosophy of Good Power: the Life and Work of Dobroslav (A. A. Dobrovolsky)]. N. Novgorod: Povolzh'e, 2014. 311 p. (In Russ.)
13. Achkasov V. A., Abalyan A. I., Andreev A. A., Nikiforov A. A. *Etnopoliticheskie konflikty i mobilizaciya v sovremennom mire: postsovetskij kontekst* [Ethnopolitical conflicts and mobilization in the modern world: the post-Soviet

context]. SPb.: Russkaya hristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2021. 640 p. (In Russ.)

14. Tajfel H. Social Categorization, Social Identity and Social Comparison. *Differentiation between Social Groups* / Tajfel H., Ed. London: Academic Press, 1978. Pp. 61–76.

15. Koroleva T. A. Linguistic means to implement social opposition “the native — the outsider” in the political discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2017. No 5(71). P. 2. Pp. 85–88. (In Russ.)

16. Probst N. A. Pragmasemantic deformation of the identity by rodnovers: fake in the alternative historical picture. *Politicheskaya nauka* [Political science (RU)]. 2023. No 3. Pp. 170–189. (In Russ.)

17. Temirgazina Z. K., Bachurka M. S. Speech Acts of Aggressive Character in the Pedagogical Discourse. *Zhanryrechi* [Speech genres]. 2017. No 1 (15). Pp. 51–57. (In Russ.)

18. Morozova E. V. Dehumanization as a technology for forming the image of another / alien in politics. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2015. Vol. 10. No 6. Pp. 121–128. (In Russ.)

19. Ivanova S. V. Linguistic resources employed in an information warfare: Demonization effect techniques. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2016. No 5 (59). Pp. 28–37. (In Russ.)

20. Gavrilov L. A. Political discourse in the conditions of information/psychological warfare. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2018. No 2. Pp. 89–98. (In Russ.)

Сведения об авторах

Пробст Никита Артурович, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14)

Шиженский Роман Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией религиозоведческих исследований «Северо-Запад», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14)

Information about the authors

Nikita A. Probst, Candidat of philological sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University (14, Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236041, Russia)

Roman V. Shizhenskiy, Candidate of historical sciences, assistant professor, head of the laboratory of religious studies «North-West», Immanuel Kant Baltic Federal University (14, Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236041, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	13.02.2024